

Цзи Чэн совершенно не умел облачаться в традиционные ханьфу, так что Лу Цзюньсяню пришлось взяться за дело самому.

Сейчас юноша напоминал витринный манекен: застывший, безучастный, деревянный. Как его повернёшь — так и замрёт. Он даже словно затаил дыхание — выдавали его лишь пылающая кожа да мелкая, непроизвольная дрожь во всём теле.

Продюсер Лу заранее подозревал, что парень занервничает, поэтому всю дорогу поджимал губы, сдерживая улыбку, пока поправлял складки одежды на дрожавшем от волнения юноше.

Чтобы не смущать его ещё сильнее и не заставлять отвечать прерывающимся голосом, Лу Цзюньсянь старался молчать. Закончив с завязками, он присел на корточки и расправил подол. Даже сквозь плотную ткань ощущалось, как ходуном ходят длинные ноги парня.

Казалось, ещё секунда — и они просто подкосятся.

Лу Цзюньсянь всё же немного удивлялся. Насколько он помнил, Цзи Чэн был убеждённым натуралом — когда парень узнал, что Мэн Гэ встречается с режиссёром Юем, у него едва глаза на лоб не вылезли от изумления, будто перед ним открылась неизведанная вселенная.

Неужели ореол кумира действует настолько сильно? Заставляет так робеть?

— Готово. Немного тесновато, но для примерки сойдёт.

Лу Цзюньсянь отряхнул ладони и отступил на пару шагов, с удовольствием разглядывая результат.

— Угу... — выдохнул Цзи Чэн.

Руки, которые он растопырил, пока его одевали, так и застыли в воздухе — парень будто забыл, как ими управлять.

— Руки-то опусти, — с улыбкой напомнил Лу Цзюньсянь.

— Угу... — снова отозвался тот, но руки не опустил. Они так и продолжали висеть в воздухе, едва заметно поддрагивая.

Ничего не поделаешь. Лу Цзюньсянь подошёл, аккуратно опустил его руки, ободряюще похлопал по плечу и подвёл к ростовому зеркалу.

— Тебе идёт. Правда, кажется, чего-то не хватает.

Хотя в комнате работал кондиционер, из-за нескольких слоёв плотной ткани и дикого волнения Цзи Чэну было немилосердно жарко. Он рассеянно кивал, тупо уставившись на собственное отражение в древнем наряде. В голове царил абсолютный туман, мысли путались.

Заметив, что густой румянец и не думает сходить с лица парня, Лу Цзюньсянь вывел его из гардеробной и налил стакан прохладной воды.

— Попей пока, а я сейчас вернусь.

С этими словами он вышел.

Цзи Чэн проводил взглядом закрывшуюся дверь, сжал стакан обеими руками и в несколько жадных глотков осушил его. Затем налил ещё два стакана ледяной воды и выпил их один за другим.

Ощущение было такое, словно на раскалённые угли вылили ведро воды — ему даже послышалось шипение. Напряжение внутри наконец немного спало, спала и адская жара.

Пока Лу Цзюньсянь не вернулся, Цзи Чэн достал салфетку, вытер пот со лба и косо глянул на лежавшего на полу пса. Убедившись, что Маомао занят своими делами и на него не смотрит, он подошёл к зеркалу и с невозмутимым видом принялся разглядывать своё отражение со всех сторон.

«Кумир сказал, что мне идёт...»

Едва он увлёкся этим самолюбованием и попытался примерить пару эмоций перед зеркалом, как дверь открылась — вошёл Лу Цзюньсянь.

Цзи Чэн мгновенно напустил на себя угрюмый вид и застыл столбом.

Едва сдерживая смех, Лу Цзюньсянь сделал вид, будто ничего не заметил, и подошёл к нему с париком в руках.

— Наклонись.

Цзи Чэн послушно наклонил голову. Продюсер аккуратно надел парик и принялся тщательно расправлять пряди.

— Стилисты уже ушли, так что пока так, на скорую руку.

Закрепив длинные искусственные волосы, Лу Цзюньсянь мягко приподнял подбородок юноши, чтобы тот снова не задеревенел, и отступил на пару шагов.

Традиционное облачение в сочетании с высоким париком преобразило парня до неузнаваемости. От него так и веяло духом старинных романов.

Изначально Лу Цзюньсянь опасался, что из-за высокого роста и слишком резких, «современных» черт лица Цзи Чэн в историческом костюме будет выглядеть нелепо. Однако образ сложился неожиданно гармонично.

Цзи Чэн стоял спиной к зеркалу и не видел себя, а потому под внимательным взглядом продюсера нервничал всё сильнее.

Затянувшаяся пауза давила на уши. Парень сжал пальцы в широких рукавах и, помявшись, тихо спросил:

— Я... хорошо выгляжу?

Любовавшийся свежеиспечённым древним красавцем Лу Цзюньсянь тихо рассмеялся и одобрительно кивнул:

— Отлично. Куда лучше, чем я ожидал.

Он развернул Цзи Чэна к зеркалу.

Сам Цзи Чэн ничего особенного в своём отражении не увидел. Но если Лу Цзюньсянь сказал «отлично», значит, так оно и есть. Похвала отозвалась в душе сладким теплом.

— Образ идеальный. Сыграем сценку? — улыбнулся Лу Цзюньсянь, заметив, как снова пылают уши юноши.

Раз уж пообещал, отказываться Цзи Чэн не стал.

— Прямо здесь, шутки ради. Не нервничай.

Достав из стола сценарий, Лу Цзюньсянь протянул его парню, чтобы тот пролистал текст и освежил в памяти сцену.

Цзи Чэн мельком бросил взгляд на страницы и ровным голосом произнёс:

— Я знаю сюжет наизусть. Каждую реплику, каждое чувство каждого персонажа.

Лу Цзюньсянь опешил.

Ему непременно стоило вручить Цзи Чэну медаль за «Преданность номер один». Даже он, автор книги, не помнил назубок реплики абсолютно всех героев...

— Что ж, прекрасно, — Лу Цзюньсянь забрал сценарий и перелистнул несколько страниц. — В прошлый раз сцена со смехом у тебя вышла весьма неплохо. Пусть чуток натянуто для профессионала, но для новичка — здорово. Как насчёт сцены с плачем?

Он вдруг вспомнил, как на пробах режиссёр Юй настоятельно предлагал Мэн Гэ отыграть именно тот драматический эпизод.

С этой мыслью продюсер быстро отыскал нужную страницу.

— Сыграешь момент, где Император пропал, а Младший принц от отчаяния заливается слезами?

О таинствах актёрского мастерства Цзи Чэн имел весьма смутное представление, поэтому ему было всё равно, что играть. Раз Лу Цзюньсянь так хочет — он послушно кивнул.

Сюжет той сцены был до абсурда закручен: Император, путешествующий инкогнито, переоделся в женское платье и вместе с героиней проник в публичный дом ради расследования. Вот только главная героиня вернулась невредимой, а государя... приняли за куртизанку и продали!

Ищейки с ног сбились, но следов государя не нашли. Младший принц сходил с ума от тревоги за брата, однако не мог разглашать его титул. Обвинить во всём героиню? Но ведь брат в неё влюблён, нельзя! А та ещё и сама расплакалась от чувства вины. В итоге у парня сдали нервы, и он разревелся за компанию...

Лу Цзюньсянь только собрался ввести партнёра в курс дела, как Цзи Чэн неожиданно сделал пару нервных шагов по комнате, подошёл вплотную и вылупил на него свирепый взгляд.

— Ты...

Фраза застряла в горле. С дрожащими от гнева руками парень развернулся, размашисто шагнул прочь, а затем резко вернулся.

До Лу Цзюньсяня не сразу дошло: Цзи Чэн уже вошёл в образ и без предупреждения втянул его в импровизацию, отведя ему роль главной героини!

Срочно отложив сценарий, продюсер виновато опустил голову и заговорил с сокрушением:

— Это всё моя вина... Я не уберегла его...

Цзи Чэн глубоко вздохнул, судорожно сглотнул и, взмахнув широким рукавом, постарался смягчить голос:

— Не вини себя. Брат бы не стал тебя упрекать. Это я виноват — развлекался вместо того, чтобы пойти с вами...

— Нет, я... — прошептал Лу Цзюньсянь, едва ли не всхлипывая и самозабвенно нагоняя драматизму.

В этот момент Цзи Чэн рванулся к нему. Совершенно не заботясь о том, пустила ли «героиня» слезу, он полностью ушёл в роль: выхватил из коробки салфетку вместо носового платка и принялся усердно утирать воображаемые слёзы с лица Лу Цзюньсяня.

— Да не плачь ты! Я же тебя не виню! Брат вернётся и подумает, что я тебя обижаю!

Лу Цзюньсянь ещё даже толком настроиться не успел, а Цзи Чэн уже дрожащими руками аккуратно промокал салфеткой его абсолютно сухие щёки.

Впрочем, реакция партнёра была уже не важна. Лу Цзюньсянь как раз подумал, что парень держится весьма убедительно, как вдруг на тыльную сторону его ладони упала тяжёлая капля.

— Ну не плачь, найдём мы его, найдём... — приговаривал Цзи Чэн, пока у самого из глаз градом катились слёзы.

Лу Цзюньсянь с немим изумлением уставился на свою руку, на которую одна за другой падали крупные капли.

Он вскинул голову и обомлел: лицо Цзи Чэна выражало отчаянное беспокойство, а из глаз водопадом хлынули слёзы! Без всякого преувеличения — крупные, с горошину, они хлынули в три ручья, звонко капая на одежду и руки...

— Стоп! Снято! — поспешно воскликнул Лу Цзюньсянь.

Цзи Чэн мгновенно отстранился. Страсть и тревога улетучились без следа, словно играл вовсе не он, но слёзы по инерции всё ещё продолжали скатываться по щекам.

— Всё-всё, хватит, Цзи Чэн! Слишком уж бурное море!

Кивнув, парень уткнулся лицом в салфетку. Когда он её опустил, слёзы всё ещё текли, и ему

пришлось вытереться снова.

Лишь после нескольких попыток этот импровизированный водопровод удалось перекрыть.

Глядя на свою мокрую от чужих слёз ладонь, Лу Цзюньсянь испытывал смесь шока и невольного стыда.

Он-то, наставник и сценарист, не сумел выдавить ни единой слезинки, а новичок, впервые пробовавший себя в роли, умылся горькими слезами за доли секунды!

Утерев лицо, Цзи Чэн застыл перед продюсером: выпрямился в струнку, с покрасневшими глазами и пылающими ушами, смиренно ожидая вердикта.

Лу Цзюньсянь посмотрел на него снизу вверх. Парень имел настолько обиженный и растерянный вид, будто его только что жестоко отчитали. Чувствуя себя не в своей тарелке, продюсер тоже поднялся с места.

— Превосходно, Цзи Чэн! Пусть немного чересчур, зато эмоции самые настоящие! Неужели ты самоучка?

Уши юноши вспыхнули ещё ярче, но голос остался ровным:

— Я просто очень хорошо знаю вашу книгу.

Лу Цзюньсянь улыбнулся и налил ему ещё воды.

— Ты мне в роли Младшего принца безумно нравишься. Может, всё-таки подумаешь над предложением и войдёшь в актёрский состав? Не страшно, что опыта мало и кое-где выходит угловато. Я буду жить с тобой на съёмочной площадке и каждый день репетировать. У тебя настоящий талант, ты просто создан для сцены.

Цзи Чэн не раздумывал и секунды. Едва прозвучали слова о том, что Лу Цзюньсянь будет жить с ним в округе съёмочной группы, как он мысленно крикнул «да!» и энергично закивал.

Продюсер, готовый к долгим уговорам, слегка опешил, а затем просиял.

— Ты сегодня нашёл работу?

Цзи Чэн отрицательно качнул головой.

— Вот и отлично. Оформим тебя как стажёра в мою студию, а отчёт для университета я сам

тебе подпишу и печать поставлю.

— Угу.

Лу Цзюньсянь остался чрезвычайно доволен: тяжёлый камень наконец свалился с души, и вопрос с исполнителем роли Младшего принца был закрыт.

Проведя юношу обратно в гардеробную, Лу Цзюньсянь помогал ему снимать костюм и одновременно объяснял условия:

— Что касается гонорара... Поскольку ты новичок, сумма будет не астрономической. Я могу выбить для тебя фиксированные двести тысяч юаней за весь проект. Как тебе?

Втайне ликовавший Цзи Чэн вздрогнул.

Двести тысяч...

— Это очень много, — потрясённо пробормотал он. Оказывается, актёрам платят бешеные деньги...

Видя его явное удовлетворение, Лу Цзюньсянь с улыбкой поинтересовался:

— На долги хватит?

Цзи Чэн кивнул:

— Ещё и останется.

Лу Цзюньсянь мягко улыбнулся. На самом деле для дебютанта в сериале и сто тысяч — за счастье. Двести тысяч он предложил от себя, тайком накинув сверху.

Пусть Цзи Чэн и отказывался от благодарности за спасение, Лу Цзюньсянь всё равно искал способ отплатить благодетелю.

— А по поводу съёмок... Тебе не нужно посоветоваться с родителями? — снимая с него последние элементы древнего наряда, продюсер протянул парню его повседневную одежду.

Рука Цзи Чэна, тянувшаяся к кофте, замерла. Он качнул головой:

— Их нет.

Лу Цзюньсянь замер, и лишь через мгновение до него дошло значение этих слов. Сердце сжалось от новой волны сочувствия.

— Прости...

Цзи Чэн качнул головой, показывая, что не обижен:

— Я сам всё решаю.

— В таком случае собери завтра вещи и перебирайся ко мне на ночь. Я улажу кое-какие дела по работе, а послезавтра утром вместе поедem на съёмочную площадку. Идёт?

— Идёт.

Натягивая кофту, Цзи Чэн чувствовал, как уши опять пылают огнём.

<http://bllate.org/book/20688/2123270>